

ФЭЙВО СЫЦУНЬ
ВОСТОЧНЫЙ
ДВОРЕЦ
ПРОЩАЙ.
МОЯ ПРИНЦЕССА

2

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.581-31
ББК 84(5Кит)-44
Ф98

东宫 (下) East Palace. Volume 2

匪我思存
Fei Wo Si Cun

This edition is authored by Tianjin Chinese World Books Inc's author Fei Wo Si Cun and published by AST Publishers LTD arrangement with through the agency of Tianjin Mengchen Cultural Communication Group Co., Ltd.
该作品由华文天下签约作家匪我思存原著，通过天津梦辰文化传播（集团）有限公司代理，由俄罗斯 AST 出版有限公司 出版社出版。

Иллюстрация на обложке *DizDS*
Отрисовка иероглифов *ZEENAZAVOR*
Дизайн суперобложки и обложки *Яны Половцовой*

Фэйво Сыцунь.
Ф98 Восточный дворец: прощай, моя принцесса. Книга 2: роман / Фэйво Сыцунь; перевод с китайского Дарьи Власюк. — Москва: Издательство АСТ, 2026. — 336 с. — (Хиты Китая. Летописи Поднебесной).

ISBN 978-5-17-180057-4
ISBN 978-5-17-180058-1 (Книга 2)
ISBN 978-5-17-188048-4 (Суперобложка)

Сяо Фэн, своенравная принцесса государства Западная Лян, становится ложницей политического брака. Вопреки ее воле девушку выдают замуж за наследника престола Ли Чэнъяня, который презирает ее и открыто проводит время с наложницами. Погруженная в мир дворцовых интриг, где каждый шаг подчинен холодному расчету, юная наследная принцесса пытается выжить, оставаясь верной самой себе.

Но этот брак лишь часть сложной и коварной игры: героев связывает давняя тайна, которую они оба забыли, окунувшись в воды реки Забвения.

Когда прошлое возвращается, на смену вражде приходит осознание утраченной любви, а императорский дворец из золотой клетки превращается в поле битвы, где на кону жизнь и смерть.

Сяо Фэн придется осознать, что можно забыть человека, но невозможно забыть чувства к нему. Сможет ли она вырваться из тисков судьбы, чтобы спасти хотя бы свое сердце?

ISBN 978-5-17-180057-4
ISBN 978-5-17-180059-8 (Книга 1)
ISBN 978-5-17-180058-1 (Книга 2)
ISBN 978-5-17-188048-4 (Суперобложка)

УДК 821.581-31
ББК 84(5Кит)-44

Copyright © Fei Wo Si Cun
版权所有: 匪我思存
All rights reserved.
© ООО «Издательство АСТ», 2026
© Власюк Д. Г., перевод на русский язык, 2026
© DizDS, иллюстрация на обложке

淵

В ПУЧИНЕ

水

***«Воды реки Забвения позволяют стереть
из памяти воспоминания о любви...»***

*Сидит лиса на дюне, сидит лиса на дюне,
Сидит лиса на дюне и смотрит на луну.*

*Да вовсе и не смотрит, а ждет,
когда же встретит*

Пастушку молодую, идущую домой...

«— Какая ужасная песня, спой другую!»

«— Но я не знаю другой песни, только эту...»

«— Я забуду тебя навсегда!»

Воспоминания, подобно вспышкам молний, мелькали в голове. Словно мгла рассеивалась — и перед внутренним взором все яснее и отчетливее проявлялись какие-то образы... Когда я наконец смогла широко раскрыть глаза — мутная пелена спала, — то увидела А-Ду, сидящую у моей постели. Сзади маячила тетушка Юн, ее глаза были красными и опухшими.

Переведя взгляд в сторону, я увидела расшитые цветами занавески и осознала, что нахожусь в собственной спальне в Восточном дворце.

Я медленно выдохнула, чувствуя себя так, словно только что увидела страшный сон, в котором произошло множество невероятных и ужасающих событий: меня похитил наемный убийца, оказавшийся Гу Цзянем, мы с ним пришли к воротам Чэнтянь, на вершине которых я увидела Ли Чэнъяня... Но самым пугающим было то, что мне снилось, будто я знала Ли Чэнъяня гораздо дольше и что он под именем Гу Сяоу помог уничтожить целый народ Цзешо, убил дедушку, а также вынудил уйти из жизни матушку... Отец сошел с ума, а я от отчаяния прыгнула в реку Забвения...

Этот кошмар был просто невыносим. Настолько ужасен, что я даже не хотела вспоминать его... Хорошо, что это всего лишь сон! Взяв тетушку Юн за руку, я улыбнулась, желая сказать, как сильно проголодалась. Но из моего рта не вырвалось ни единого слова. Горло обожгло невыносимой болью, внутри что-то забулькало. Я совсем не могла говорить! Разволновавшись, я обхватила шею руками. Тетушка Юн поспешила меня утешить. В ее глазах стояли слезы.

— Не беспокойтесь, принцесса! Императорские лекари сказали, что вы сильно перенервничали, поэтому и началось воспаление в горле. Это нестрашно, вы скоро поправитесь...

Я посмотрела на А-Ду, а потом перевела взгляд на тетушку Юн. Служанка принесла чашку воды и стала поить меня. Эта вода показалась мне такой

вкусной и ароматной, что я сразу почувствовала облегчение. Даже боль в горле немного утихла. Я начала пить большими глотками, но тетушка Юн остановила меня:

— Помедленнее, не спешите... Ох, последние несколько дней вы и капли воды не проглотили! Я чуть с ума не сошла от беспокойства...

Несколько дней? Я так долго спала? Я жестами показала, что мне нужна бумага и кисть, и тетушка Юн приказала служанкам принести требуемое. Служанка встала рядом с чернильницей в руках. Я макнула в нее кончик кисти и задумалась.

Что же мне написать, что я могла спросить? *«Правда ли, что весь народ Цзешо был истреблен?»* Или, может... *«Действительно ли мой отец сошел с ума?»* После моего приезда на Срединные равнины он ни разу не присылал хоть кого-то, чтобы проведать меня. Никто из Западной Лян, о которой я думала целыми днями, не приезжал ко мне. Раньше это не казалось странным, я лишь сердилась на отца за его бессердечие. Но теперь поняла, что моя Западная Лян уже давно превратилась в мираж. Я не могла спросить об этом А-Ду и тем более не смела говорить об этом с тетушкой Юн.

Я в бессилии опустила кисть. Капля туши упала на бумагу и, растекшись по ней, превратилась в большую кляксу. Я вдруг вспомнила картину «Врата Разбрызганных Чернил» — великолепный пейзаж,

который Ли Чэнъинь нарисовал на двери публичного дома Минъюй румянами и тушью для бровей. Вспомнила наш танец, который мы танцевали тем вечером, а также сверкание скрещенных мечей. А еще — стрелу, которую Ли Чэнъинь переломил надвое и бросил к ногам убийцы. Вспомнила, как я пела посреди дюн и как Гу Сяоу ловил для меня светлячков... И пронизывающий до костей ветер на скале над рекой Забвения. То, как я разрезала пояс, которым Ли Чэнъинь пытался меня удержать, и боль и отчаяние на его лице...

Отбросив кисть в сторону, я зарылась в одеяло, стараясь не думать обо всем этом. Тетушка Юн подумала, что я плохо себя чувствую, поэтому легонько похлопала меня по спине, а затем стала медленно поглаживать, как ребенка.

А-Ду встала и тихонько вышла из спальни. Хотя она двигалась почти бесшумно, я уловила звук ее шагов.

Мне вдруг стало очень тоскливо. Сомневаюсь, что смогу когда-либо набраться смелости и спросить А-Ду, происходили те ужасы, что мне приснились, в реальности или нет. Если да, то А-Ду, наверное, еще тяжелее, чем мне, поскольку она родом из Цзешо. Все эти годы она сопровождала меня, приехав вместе со мной на Срединные равнины и проживая бок о бок с человеком, которого должна ненавидеть... Нет, никогда не осмелюсь спросить ее об этом, ничего не хочу знать!

Остаток дня я провела как в тумане: то впадая в забытие, то снова просыпаясь. Вечером тетушка Юн разбудила меня и дала выпить ужасно горькое лекарство, а затем спросила, что подать на ужин. Я покачала головой. Аппетита совсем не было. Разве я могла после всего проглотить хоть кусочек? Но тетушка Юн все же велела слугам приготовить мне суп с лапшой.

— Лапша очень мягкая, а бульон питательный, это лучшая еда для больного.

Но я не могла есть. Поводив палочками в супе, я отставила миску в сторону. Суп с лапшой напомнил мне о Ли Чэнъине.

Честно говоря, все в Восточном дворце напоминало мне о Ли Чэнъине. А я вовсе не хотела больше думать о нем. Неважно, правдивы ли эти события, но все во мне противилось встрече с ним...

Однако его визит был неизбежен. Не успела тетушка Юн унести тарелку с супом, как на пороге спальни показался Ли Чэнъинь с широкой улыбкой на лице. Вроде бы ничего не изменилось, но я понимала, что теперь все будет по-другому. Общее печальное прошлое связывало нас, пока священная река Забвения не даровала освобождение от него. Поскольку все воспоминания о тех событиях были стерты из памяти, ничто не могло помешать нашему браку. Не помня ничего, я провела три года в Восточном дворце...

Пока я размышляла, Ли Чэнъинь быстрыми шагами подошел к постели и протянул руку, чтобы пощу-

пать мой лоб. Но я резко отвернулась, и его рука осталась висеть в воздухе. Несмотря на это, Ли Чэнъинь нисколько не рассердился.

— Наконец-то ты очнулась, я очень волновался! — воскликнул он.

Я равнодушно посмотрела в ответ, словно передо мной стоял незнакомец. Почувствовав неладное, он спросил:

— Что с тобой?

Заметив, что я намеренно игнорирую его, Ли Чэнъинь начал объяснять:

— В тот день, когда убийца схватил тебя, все ворота в город были открыты, так как ночью отмечался праздник Фонарей...

Нахлынула невыразимая неприязнь. Воспоминания о том, как он приветствовал людей, стоя на башне, уже поблекли, но чувства, которые я испытала на утесе над рекой Забвения, навсегда врезались в душу. Думаю, тот момент остался в моей памяти на всю оставшуюся жизнь. Зачем теперь все это? Неужели Ли Чэнъинь полагает, что своими сладкими речами сможет вновь обмануть меня? Пусть он забыл, что было раньше, но я-то все вспомнила, теперь я помню все, абсолютно все!

— Мы обыскали весь город, и я боялся... — Ли Чэнъинь вдруг перешел на шепот, — я боялся, что больше не увижу тебя...

Он опять протянул руку и коснулся моего плеча. Я вдруг вспомнила глаза отца, наполненные слезами, матушку, лежащую в луже крови, последний крик дедушки, Хэши, сажающего меня на лошадь окровавленными руками... Повинуясь внезапному порыву, я выдернула из прически золотую шпильку и с размаху ударила Ли Чэнъиня в грудь.

Для удара я собрала все свои силы. Застигнутый врасплох, Ли Чэнъинь успел инстинктивно заслониться рукой, и острая шпилька пронзила его ладонь. Хлынула кровь, и Ли Чэнъинь медленно, словно во сне, поднял на меня глаза. В его взгляде читалось недоумение: похоже, этого он не ожидал. Я сама не верила, что способна на такое. Прижав руки к груди, я почувствовала, что вся дрожу.

Через какое-то время Ли Чэнъинь схватил шпильку, одним движением выдернув ее из ладони. При этом он не издал ни звука, лишь слегка скривился. Казалось, будто это была не его рука... Из раны хлынула кровь. Я наблюдала, как она текла вниз по запястью змеящейся струйкой прямо на рукав халата, окрашивая ткань в темно-красный цвет. Шпильку, с которой все еще капала кровь, Ли Чэнъинь продолжал держать в руке. Волна страха накрыла меня с головой, и я чуть не задохнулась.

Ли Чэнъинь бросил шпильку на пол. Она слегка звякнула, подвеска с аметистами рассыпалась, бусины покатались по полу. Тихим вкрадчивым го-

лосом, словно боясь спугнуть или потревожить кого-то, Ли Чэнъинь спросил:

— Почему?

Но разве я могла говорить с ним о событиях прошлого? Нас с ним разделяло целое море ненависти и вражды. Оказывается, забвение — это вовсе не несчастье, а самая настоящая удача... Как же я мечтала о том, чтобы вновь забыть наше общее прошлое! Я отвернулась, чтобы не видеть его лица.

— Я понял, — вдруг проговорил он.

Я не знала, что он имеет в виду, но говорил Ли Чэнъинь как-то отчужденно.

— Не хотел спрашивать, все-таки ты серьезно больна, но, раз дело обернулось таким образом, я желаю знать: как ты смогла сбежать от убийцы? Тебя принесла А-Ду, но, как я ни допытывался, она продолжает скрывать, где нашла убийцу и как спасла тебя. Все-таки вы прибыли из Западной Лян вместе, поэтому я не могу пытать ее. Но ты должна сказать мне, по чьему указанию действовал убийца...

Я посмотрела на мужчину, который когда-то прыгнул в реку Забвения вместе со мной и все забыл. Но я-то смогла вспомнить случившееся и знаю, что это Ли Чэнъинь убил дедушку, что это он разорил мое родное гнездо, а еще то, что из-за него я никогда не смогу вернуться в Западную Лян! Я открыла рот, но не произнесла ни звука, лишь кинув на него полный презрения взгляд. Зачем он спрашивает меня

о том, кто убийца? Неужели и вправду не знает этого? Неужели после прыжка в реку Забвения он не помнит даже того, кто такой Гу Цзянь?

Долгое время мы смотрели друг другу в глаза, а затем Ли Чэнъинь вдруг бросил передо мной нефритовую подвеску с уткой-мандаринкой. Я узнала в вещице ту самую парную подвеску из белого нефрита, которую держала в руке, когда три дня и три ночи ждала его на дюне. Тогда он назвался Гу Сяоу и был тем самым, кого я так жаждала увидеть. В его руке была такая же подвеска, он лукаво улыбался... Под чистым и бескрайним небосводом мы бок о бок шли по пустыне, неспешно возвращаясь в столицу Западной Лян.

В то время между нами не было вражды. Я была не ведающей забот девятой принцессой Западной Лян, а он, как мне думалось, был торговцем чаем, бывшим со Срединных равнин...

Кровь все еще сочилась из раны. Ли Чэнъинь схватил меня за руку и больно сжал, пытаясь перехватить мой взгляд, а затем повторил свой вопрос:

— Почему?

Он все еще хотел знать. Мне тоже хотелось понять, почему судьба раз за разом так жестоко сталкивает нас. Я пристально посмотрела на Ли Чэнъиня: в его глазах застыла невыразимая печаль, но в то же время в них был проблеск надежды, как будто принц все еще ждал моего ответа.

Я вновь открыла рот, но так ничего и не сказала. Кровь с руки Ли Чэнъяня капнула мне на лицо. Она была теплой, так что я сначала даже ничего не почувствовала. Он продолжил:

— Как тебе удалось уйти от убийцы целой и невредимой? Почему А-Ду не хочет говорить мне, где он? Откуда у тебя эта подвеска? Утка-мандаринка... Я разлучил двоих возлюбленных, не так ли?

Принц крепко сжал мое плечо. Я с грустью подумала, что он напрасно прыгнул за мной в реку Забвения. Что подтолкнуло его? Неужели так хотел произнести те слова, которые я даже не поняла, потому что почти не владела языком Срединных равнин? Я давно забыла, что именно он сказал. В ушах звучал лишь крик генерала Пэя, который наверняка испугался не на шутку. Как бы то ни было, Ли Чэнъянь вовсе не мой Гу Сяоу, ведь он, как я считала, давно погиб в кровавой битве.

Я наконец решилась посмотреть ему в глаза. Зрачки казались угольно-черными, в них я видела собственное отражение. Кто он, в конце концов? Гу Сяоу, ловивший для меня светлячков? Или мужчина, бросивший свою возлюбленную во время свадьбы? И было ли искренним сожаление, которое я прочла на его лице в тот момент, когда перерезала пояс, нависая над пропастью?

Этот мужчина раз за разом обманывал меня, и никто не мог поручиться, что Ли Чэнъянь был искренен со мной сейчас. Сколько решимости и отваги

было в нем, когда он переломил стрелу и бросил ее к ногам убийцы. Но не прошло и нескольких часов, как он поднялся на башню над воротами Чэнтянь в сопровождении наложницы Чжао... Нет, мой Гу Сяоу давным-давно мертв. От этой мысли сжалось сердце. Когда я заговорила, голос дрожал и казался мне чужим.

— Верно, ты разлучил нас... Меня и Гу Сяоу.

Ли Чэнъинь на мгновение опешил, но затем на его лице появилась презрительная улыбка.

— Гу Сяоу? — переспросил он.

Я перевела взгляд на его рану, которая продолжала кровоточить. Тогда, на утесе над рекой Забвения, я была в отчаянии, потому что сердце было разбито. Но сейчас я не чувствовала ничего, кроме опустошения, даже не было сил бороться. Медленно, усталым голосом я произнесла:

— Ты... убил... Гу Сяоу.

Гу Сяоу. Единственный мужчина, которого я когда-то любила, был безжалостно убит этим человеком. Это произошло в Цзешо сразу после неоконченной брачной церемонии. Река Забвения стерла воспоминания, поэтому я приехала в столицу и вышла замуж за Ли Чэнъиня. А про него — Гу Сяоу — забыла настолько и даже не знала, что он уже умер.

Рот принца растянулся в кривой усмешке:

— Что ж, ладно. Очень хорошо!

Не удостоив меня больше взглядом, Ли Чэнъинь резко повернулся и пошел прочь.

